

ЗИНАИДА ГИППИУС

ИГРА

Зинаида Николаевна Гиппиус

Игра

Аннотация

«Шестеро в банде, а банда крепкая и замкнутая.

Я узнал это, – и еще многое другое, – лежа днями на песке, под скалой, около небольшого морского курорта. Место было уединенное, приятное, но оказалось, что его избрала и банда. В первый же день я слышал у кустов недовольные голоса: банда заметила меня и совещалась. Говор был русский. Но я прикрыл глаза, не двинулся; и шестеро, не желая лишаться излюбленного местечка из-за одного неподвижного человека, решили, видно, что меня как бы вовсе нет. Впоследствии не замечали они, когда я и шевелился, – так твердо укоренилось в них убеждение, что я не существую...»

Зинаида Гиппиус

Игра

Шестеро в банде, а банда крепкая и замкнутая.

Я узнал это, – и еще многое другое, – лежа днями на песке, под скалой, около небольшого морского курорта. Место было уединенное, приятное, но оказалось, что его избрала и банда. В первый же день я слышал у кустов недовольные голоса: банда заметила меня и совещалась. Говор был русский. Но я прикрыл глаза, не двинулся; и шестеро, не желая лишаться излюбленного местечка из-за одного неподвижного человека, решили, видно, что меня как бы вовсе нет. Впоследствии не замечали они, когда я и шевелился, – так твердо укоренилось в них убеждение, что я не существую.

Мне же нравилось безмолвно догадываться о них, узнавать их и различать. Имена сразу узнавал по песенке, – с ней они часто прибегли, держась за руки, под скалу. Тонкими голосами выводили:

Катя – Паша – Маша... –
днн-дин-дин...

Лида – Коля – Саша...
ден-ден-ден...

Трое первых были рыжеватенькие, а Паша, крупный и сильный мальчик, даже совсем рыжий; другие трое, – другой

семьи, вероятно, – черненькие и остроносые. Впрочем, семейные сходства на этом и кончались: каждый из шести был очень сам по себе.

Скоро я увидел, что являются они в эту излюбленную песочную выемку под скалой не случайно, и не просто, а с определенной целью: играть. Притом игра у них была все как будто одна и та же, только все с новыми, неожиданными, приключениями. Называлась игра: «в богатых и бедных».

Странно, пожалуй, – откуда? Все шестеро, по виду, были из семей среднедостаточных. Но я быстро понял, что они о себе ничего не знают и вообще не думают: их занимает игра, и чтоб было, «как бывает на свете». (Это сказал раз Паша, а я подумал: «Ага! Вот оно, время! Старшим вряд ли больше девяти, а уж в сказку волшебную не станут играть, давай им „как бывает“!»)

Однако воображение у них было удивительное; следя за игрой, я сам заражался. Прорытая дорожка к скале, к старой купальной будке, была улица с красивыми, высокими домами. А будка – замок: в нем жил главный богач (Паша) со своими сокровищами: три аккуратных мешочка, набитых красными морскими камушками, специально подобранными. У черненькой Лиди, тоже «богатой», имелся такой же мешок, – но один. У Лиди, кроме того, была «дочка» (современная кукла, ростом с грудного ребенка), Машу, хитроглазую, в золотистых кудрях, Лидя взяла в няньки, но водила, – ввиду ее «бедности»? – неизменно в «рубище». Коля и Саша – то-

же бедняки. Ночуют под мостом (дальний куст). Ну, а Катя? Первая в песенке? Увы, Катя, бледная, неуклюжая толстушка, «не умела» быть ни бедной, ни богатой. Умела только с особой пронзительностью визжать; и в ходе игры исполняла разнообразные назначения.

Вот, Паша гуляет по улице с частью сокровищ: остальные заперты в «замке». Навстречу Лидя с дочкой (Маша следует сзади в своем рубище). Останавливаются, болтают. Паша благосклонно похохатывает. Но тут робко подходит к ним Коля. Он горд; если решается просить на хлеб, то потому, что уже ослабел от голода: его только что едва не задавила Катя, – она в это время гудела автомобилями по улице. Паша едва взглядывает на Колю, презрительно махает рукой, двигается вперед; но когда к нему подходит другой бедняк, Саша, – он уже негодует, он резок, грубо отталкивает просителя, садится в свой «рольс» (Катя) и уезжает.

Но бедняки, Саша и Коля, – соединились. Долго совещались «под мостом» и решили ограбить замок. Темной ночью (солнце, конечно, светило, да это ничего) они, ползком, стали пробираться к замку. Но вдруг наткнулись на «электрический сигнал тревоги». Раздались оглушительные звонки, т. е. визг Кати, лежавшей на пороге в будку; испуганные грабители бросились бежать, исчезли в темноте. Однако на другую ночь вернулись, поумнев: перерезали провода (Катя молчала), успешно захватили у спящего богача все три мешка, выскользнули, довольные, из замка, собираясь скрыться

с ними на какой-то «шаланде» (я не понял насчет шаланды). Но случилось непредвиденное: богач проснулся, ужаснулся, выскочил из замка, и началось преследование!

Кричал «народ» в домах (Катя визжала). Что будет? Поймает ли богач воров? Этого никто не знал, потому что богач «вправду» ловил воров, воры «вправду» старались скрыться: иначе какая же игра? На этот раз вышло, что воры-таки успели добежать до «шаланды» (до берега моря, настоящего), но, второпях, спасаясь, бросили мешки. И Паша их понес домой, крича, свистя и грозя, что «так не оставит».

Игра до этого момента не могла, конечно, дойти в один день. Игра была одна, и действовали все те же, а приключения созидались все новые; как бы одна история длилась бесконечно. Иногда дети сами ее прерывали, чтобы завтра, с того же места, шло дальше, – новое; а иногда чей-то скрипучий женский голос издали начинал выкликать: «Кать! Лид! Са...» – и тотчас банда срывалась, убегала, явно боясь, чтоб не открыли их заветное место.

А я, на другой день, забирался под кусты раньше банды, ожидая продолжения истории. Но приключения, главным образом, занимали меня; приключения созидались, наверно, из кусочков слышанного, схваченного на лету. Сами эти маленькие люди, в их игре, меня интересовали; хотелось угадать характер каждого; то, что неизменно в нем. Расстраивало и путало, что в игре не было «добрых» и «злых». Богачи с правом копили сокровища, но бедняки с правом лез-

ли их грабить. Всякой удаче все сочувствовали, была ли она на стороне грабителей, или поймавшего их богача...

После не совсем успешного ограбления замка (и после множества других приключений), Маша, кудрявая нянька «в рубище», надоумила бедняков выкрасть Лидину дочку: «А я прибегу разодранная, скажу – воры отдадут за выкуп, – два мешка. А мы мешки разделим». Так и вышло: дочку, опять «темной ночью», уволокли за ногу; Лидя, конечно, согласилась на выкуп, но... у нее был только один мешок, а воры, по словам коварной Маши, требовали два. Подумав, Лидя побежала в замок. А так как Паша остался неумолим, то Лидя незаметно стащила у него недостающий мешок, спрятала за спину и побежала к няньке: «Неси за бэбичку». Это был ужасный момент: богач кражу заметил и уже быстрыми шагами, с криком, шел по улице к Маше, – сокровища она держала в руках. Если и успеет улизнуть, я предчувствовал осложнения: по своему характеру Маша не захочет делиться сокровищами с бедными ворами, Колей и Сашей, а непременно придумает их как-нибудь надуть...

Увы, увы! Никто из нас не узнал, что было бы дальше! Будто нарочно, в эту самую минуту раздался зовущий скрипучий голос (гувернантки? тетки?) – и раздался так близко, что испуганная банда опешила, а потом сразу, кучей, ринулась прочь. Едва успел Паша забросить мешки в будку. Воры, мгновенно покинувшие «тайную пещеру», убежали, конечно, с остальными, дочку волочили за что попало.

Мир игры угас во времени. Ничего, возникнет. Опять будет длиться. Такая уж игра, что ей концов нет. Бросить только можно. Да маленькие люди не скоро бросают затеянное.

На другой день шел проливной дождь. Я все-таки наведалься на скалу. Никого не было. Завтра? Но холодные дожди зарядили сплошь, – конец августа, конец сезона. После ненастья, хоть и наступили опять ясные дни, – уже не летние, осенние, с хрустальным небом и черно-синим, серьезным морем, – а излюбленное место оставалось пустым.

Я лежал в моей сырой выемке, глядел на почерневший от дождя замок-будку, никого уже не ожидая (их увезли всех, очень просто!). И вдруг... знакомые тоненькие голоса: «Ден-ден-ден...» – издалека, все ближе, – а вот и сами они, – Катя – Паша – Маша, Лидя – Коля – Саша. Все налицо, с «дочкой», в теплых вязанках, в шапочках. Как будто те же; но по озабоченным мордочкам, по тому, что они не подбежали, а солидно, держась за руки, подошли к месту, я понял, что явились они в последний раз. Вряд ли знали, зачем: проститься ли с любимым местом, или с игрой, или, может быть, в распоследний разок все-таки поиграть? Если и да, то продолжением старой истории эта игра не будет, подумал я, когда все шестеро сели смирно кружком. Куклу-дочку Лидя держала на руках.

Посидели. Вдруг Паша вскочил, бросился в замок, принес четыре мешка (промокших) с сокровищами, один отдал черненькой Лиде, а свои 3 положил на песок: «Вот что. Мне на-

доело быть богачом. Скучно „их“ всегда сторожить. И некогда. Я буду знаменитый ученый, буду делать открытия. А сокровища я всем разделю поровну». Но Лидя положила свой мешок к Пашиным: «Я делить не хочу. Мне ничего не нужно. Я буду странница. И дочери не надо».

Положила куклу к мешочкам, но толстененькая Катя потянула ее к себе: «Отдай мне. А делить и я не хочу». Коля и Саша тоже не захотели дележа. Коля объявил, что он будет «великим живописцем», а у великих живописцев не бывает сокровищ. Саша станет укрощать диких зверей, ему тоже некогда за сокровищами смотреть.

Белокурая Маша, когда-то нянька «в рубище» – хихикнула: «Я бы взяла. Зачем поровну, никто не хочет. А я бы все взяла. Я люблю быть богатой». Тут вдруг поднялся неожиданный шум. Катя беспредметно визжала, Паша свистнул, а Коля орал: «Это чтоб опять богачиха? Чтоб нам опять тебя грабить? Нет уж, дудочки, надоело!». «Так в море их побросать? – кричала Маша. – А я чтоб опять бедная, когда я не хочу?».

Я боялся – передерутся, и по-серьезному. Но Паша загрохотал мешками, а Катя, по его знаку, такой визг подняла, что все примолкли. Сидели в недоумении. Наконец, Паша сказал нерешительно: «Я вот что придумал. Поровну, правда, не стоит. В море бросать тоже глупо. Тогда все будут бедняки... А надо так, чтоб бедняков особенных не было, и богачей особенных тоже. Пусть сокровища будут бронирован-

ные». «Ну, и потом?» – фыркнула Маша. «А потом, сколько кому на свое сейчас нужно, ровно столько пусть берет. Кате, например, дочку воспитывать. Коле нужно на краски. Или мне, лабораторию строить. Только надо согласиться вместе». Опять зашумели, но одобрительно. «А Машу совсем не подпускать, – кричал Саша. – Она все возьмет, ей для богатства, ей ровно все нужно!».

Лидя заступилась за Машу: не совсем не подпускать, а только следить строго. Сама Лидя ничего не может взять: нельзя страннице, если настоящая.

Так и согласились, – наспех немножко; ранние сумерки надвигались, а надо было «забронировать» сокровища: зарыли их, в песок, под старой будкой. Окончив дело, повеселели, взялись за руки, побежали. По привычке, завели и песенку свою: Катя – Паша – Маша... Лидя – Коля – Саша... динь-динь-динь...

А я, слушая замирающие тоненькие голоса, думал, что с концом своей прежней игры маленькие люди, пожалуй, поспешили. Не успели сообразить, что «так на свете не бывает».